

† Классическое наследие

МАКС ВЕБЕР

КОНФУЦИАНСТВО И ПУРИТАНИЗМ*

Данный текст является переводом заключительной главы первой части «Хозяйственной этики мировых религий» М. Вебера. В нем автор систематически рассматривает различия между протестантизмом и конфуцианством, их этическими концепциями и их влиянием на повседневную жизнь людей. Вебер анализирует то, как протестантизм способствовал развитию капитализма, тогда как конфуцианство препятствовало ему.

The given text is translation of the final chapter of a first part of «Economic ethics of world religions» of M. Weber. In it the author systematically considers distinctions between Protestantism and Confucianism, their ethical concepts and their influence on an everyday life of people. Weber analyzes how Protestantism promoted capitalism development whereas Confucianism disturbed to it.

Ключевые слова: М. Вебер, протестантизм, конфуцианство, предпосылки развития капитализма.

Keywords: Max Weber, Protestantism, Confucianism, preconditions of capitalism development.

Мы поместим вышесказанное в контекст нашей точки зрения, возможно, с наибольшей плодотворностью тем, что выясним отношение конфуцианского рационализма — поскольку это название ему вполне подходит — к наиболее близкому нам в географическом и историческом отношении рационализму протестантизма. Степень рационализации, которую воплощает в себе религия, характеризуется, прежде всего, с помощью двух масштабов, которые, впрочем, связаны друг с другом многосторонними внутренними отношениями. Во-первых, это степень, в которой религия преодолела магию. Далее, это степень систематического единства (systematischer Einheitlichkeit), которое характеризует присущее учению этой религии отношение между богом и миром и, в соответствии с этим, ее собственное этическое отношение к миру.

В первом отношении аскетический протестантизм в его различных проявлениях (Ausprägungen) представляет собой высшую степень. Его самые характерные проявления наиболее последовательным и решительным образом покончили с магией.

* Перевод сделан по изданию: Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Zweite, photomechanisch gedruckte Auflage. Band I. Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck). Tübingen. 1922. S. 512-536. — Данный текст является VIII, завершающей, главой первой части (книги) «Хозяйственной этики мировых религий». Эта часть посвящена Китаю и его религиям (конфуцианству и даосизму). В произведении Вебера эта глава носит наименование «Результат: конфуцианство и пуританизм».

И даже в сублимированной форме в таинствах и символике (Sakramente und Symbole) она была полностью искоренена здесь так, что строгий пуританин даже тела своих близких (Leichen seiner Lieben) зарывал в произвольной форме для того, чтобы преодолеть любое «суеверие», т.е. в нашем случае, всякое доверие к манипуляциям, имеющим магический характер. Полное *расколдовывание мира* (gänzliche Entzauberung der Welt) было последовательно осуществлено *только* здесь. Это отнюдь не означало свободу от того, что мы сегодня обычно называем «суевериями». Процессы ведьм (Hexenprozesse) процветали и в Новой Англии. Но тогда как конфуцианство сохраняло в неприкосновенности магию как *позитивное* средство спасения (in ihrer positiven Heilsbedeutung), здесь все магическое стало *дьявольским*, а религиозно чтимым (religiös wertvoll) являлось, напротив, только этически рациональное, т.е. действие в соответствии с божественными заповедями и, кроме того, осуществляемое только на основе освященного богом образа мысли (gottgeheiligten Gesinnung). После вышеизложенного, вероятно, полностью ясным стало то, что в волшебном саду (Zaubergarten) вполне гетеродоксального (см. прим. 1) учения (даосизма) под властью хиромантов, геомантов, гидромантов, метеоромантов, в рамках темного и запутанного универсалистского представления о всемирной взаимосвязи (krüden und abstrusen universistischen Vorstellung vom Weltzusammenhang), при *отсутствии любых естественнонаучных знаний*, которое было отчасти причиной, а отчасти и следствием существующего общественного устройства (jener elementaren Gewalten), при заинтересованности в получении доходов духовными лицами (Verpfründung) как опоре магической традиции, которая была заинтересована в шансах на оплату услуг (Sportelchance), рациональное хозяйство и техника современного западного типа были попросту исключены. Но *сохранение* этого волшебного сада относилось к самым интимным тенденциям конфуцианской этики. Но к этому добавились также *внутренние* основания, и они воспрепятствовали малейшему ослаблению власти конфуцианства (jede Durchbrechung der konfuzianischen Macht).

Пуританская этика в полную противоположность к беспристрастной позиции (unbefangenen Stellungnahme) конфуцианства по отношению к земным вещам (Dingen der Erde) обращалась к «миру» с сильной и патетической напряженностью (Spannung). *Любая* религия, которая противопоставляет миру свои рациональные (этические) требования, оказывалась — мы вскоре это рассмотрим детально — в каком-нибудь пункте в отношениях напряженности (Spannungsverhältnis) с его иррациональностью. Эта напряженность у различных религий проявляется в очень разных пунктах и, кроме того, очень различаются как тип, так и степень напряженности. Это в значительной мере зависит от типа путей спасения конкретной религии, данных ее метафизическими обещаниями. Прежде всего: степень религиозной девальвации мира (Entwertung der Welt) при этом не идентична степени его *практического* отвержения (Ablehnung).

Такой (в соответствии со своей изначальной ориентацией) рациональной этикой, которая свела до абсолютного минимума напряженность по отношению к миру, а также как его религиозное обесценение, так и его практическое отвержение, была, как мы уже видели, этика *конфуцианства*. Для нее этот мир был лучшим из всех возможных миров, а человеческая природа в соответствии со своими наклонностями являлась этически доброй, и люди в этом, как и во всех других отношениях, хотя и в разной степени, но в принципиальном смысле были равны друг другу и, во всяком случае, были способны к безграничному совершенствованию и к соблюдению нрав-

ственного закона. Философско-литературное образование на основе древних классиков было универсальным средством самосовершенствования, а недостаточное образование и неудовлетворительная экономическая обеспеченность (*ökonomische Versorgung*) как его наиболее важная причина, были единственными источниками всех пороков. Но подобные пороки, а особенно пороки правительства, были главной причиной всего зла (*Unheils*), возникающего из-за причинения беспокойства (чисто магически понимаемым) духам. Истинный путь к благу (*Heil*) заключался в приспособлении к вечному сверхбожественному мироустройству (*ewigen übergöttlichen Ordnungen der Welt*) — Дао — и, следовательно, в вытекающих из космической гармонии социальных требованиях, которые выдвигались к совместной жизни людей (*Zusammenlebens*). И, следовательно, прежде всего, в полной пиетета покорности непоколебимому порядку земной власти (*feste Ordnung der weltlichen Gewalten*). Для отдельного индивидуума развитие собственной личности (*Selbst*) во всесторонне гармонично сбалансированную личность, и, в этом смысле, в микрокосм, было соответствующим этому идеалом. «Изящество и достоинство» («*Anmut und Würde*») конфуцианского идеального человека — джентльмена — выражалось в исполнении традиционных обязанностей. Следовательно, церемониальные и ритуальные приличия (*Schicklichkeit*) во всех жизненных ситуациях в качестве главной добродетели являлись целью самосовершенствования, а постоянный деятельный рациональный самоконтроль и пресечение всех нарушений равновесия под воздействием иррациональных страстей любого рода были подходящим средством достичь этого. Но какого-либо «спасения», помимо «спасения» от варварства необразованности, конфуцианец не желал. То, что он ожидал в качестве платы за добродетель, в посюстороннем мире (*im Diesseits*), были долгая жизнь, здоровье и богатство, а после смерти — сохранение доброго имени. Отсутствовала, совсем как у подлинных эллинов, любая трансцендентная укорененность (*Verankerung*) этики, всякое напряжение между заповедями сверхмирного бога и предписаниями тварного мира, всякая нацеленность на потусторонние цели и любое представление (*Konzeption*) о радикальном зле. Тот, кто был верен рассчитанным на способности среднего человека заповедям, был свободен от грехов. Христианские миссионеры тщетно пытались пробудить чувство греховности (*Sündengefühl*) там, где такие предпосылки, разумеется, существовали. Образованный китаец решительно отказался бы быть постоянно обремененным «грехом», как, впрочем, и для всякого благородного слоя интеллектуалов (*vornehme Intellektuellenschicht*) это понятие обычно являлось чем-то неприятным и воспринималось как нечто недостойное и обычно преподносилось как отступление от традиционных (*konventionell*), или феодальных, или эстетических канонов (нечто вроде: «неприлично» или «безвкусно»). Несомненно, грехи признавались, но они в этической сфере были проступками по отношению к традиционным авторитетам: родителям, предкам, начальникам по служебной иерархии, следовательно, по отношению к традиционным властям (*Gewalten*), а в остальном — магически опасными оскорблениями традиционных обычаев (*überlieferten Bräuche*), традиционных церемоний и, наконец, устойчивых общественных традиций (*festen gesellschaftlichen Konventionen*). Все это означало в одинаковой мере «я согрешил», что соответствовало нашей формуле «извините меня» в случае покушения на традицию (*Konvention*). Аскезы и созерцание, умерщвление плоти (*Mortifikation*) и бегство от мира (*Weltflucht*) в конфуцианстве были не только неизвестны, но и презирились как паразитическая бездеятельность (*drohnenhaftes Schmarotzertum*). Любая форма общинной

и искупительной религиозности (Gemeinde- und Erlösungsreligiosität) отчасти прямо преследовалась и искоренялась, отчасти рассматривалась как частное дело и оценивалась низко, примерно так, как это было присуще знатым грекам классической эпохи по отношению к религиозности орфических священников. Внутренней предпосылкой этой этики безусловного принятия мира (Weltbejahung) и приспособления к миру (Weltanpassung) было повсеместное существование (ungebrochene Fortbestand) чисто магической религиозности, начиная с того, что касалось императора, который в силу своей личной квалификации нес ответственность за благоприятное отношение духов (Wohlverhalten der Geister), дождь и погоду, нужную для урожая, вплоть до абсолютно фундаментального как для официальной, так и для народной религиозности культа духов предков, до неофициальной (даосской) магической терапии и прочих существовавших остаточных форм анимистского управления духами (Geisterzwangs), антропо- и геролатрической (см. прим. 2) веры в функции богов (anthropo- und herolatrischen Funktionsgötterglaubens). С подобным же смешением скепсиса и веры в возможность одоления с помощью дейсидаймонии (см. прим. 3) (Skepsis und gelegentlicher Uebermanntheit durch Deisidaimonie) пребывал внутри магических представлений, подобно образованному древнему греку, и образованный конфуцианец, а также вслед за ним с непоколебимой доверчивостью и масса китайцев, чье повседневное поведение находилось под влиянием конфуцианства. «Безумцем будет тот, кто туда направит свой пристальный взор...» — мог бы вместе со старым Фаустом сказать конфуцианец о потустороннем мире, но, как и Фауст, он должен был сделать оговорку: «Если бы я мог убрать магию с моего пути...» И даже образованнейшие в древнекитайском духе высокопоставленные чиновники редко колебались тогда, когда речь шла о том, чтобы благоговейно почитать любое глупое чудо (stupides Mirakel). Напряжение по отношению к «миру» никогда не возникало, потому что, согласно восходящим к глубине веков воспоминаниям, полностью отсутствовало этическое пророчество бога, выдвигающего надмирные, этические *требования*. Никакой заменой этому не являлось то, что выдвигали «духи» — требуя, прежде всего, заключения договора о верности. Потому что это всегда касалось находящегося под их защитой долга *отдельной личности* (Einzelpflicht), что было связано с клятвой или чем-то другим, но никогда — внутреннего развития личности *как таковой* и ее образа жизни (Lebensführung). Господствующий слой интеллектуалов (Die führende Intellektuellenschicht) — чиновники и кандидаты на занятие должностей (Beamte und Amtsanwärter) — последовательно и стойко защищали магическую традицию и особенно традицию анимистического почитания предков (animistischen Ahnenpietät) как абсолютное условие неприкосновенного сохранения бюрократических властей (bureaukratischen Autoritäten) и пресекали все колебания (Erschütterungen) в духе религии спасения (Erlösungsreligiosität). Единственная в Китае — наряду с даосскими гаданиями и получением милостей с помощью священнодействий (Divination und Sakramentsgnade) — терпимая как пацифистская и оттого безобидная религия спасения, а именно религия буддистского монашества, оказывала практическое влияние, как мы увидим, путем обогащения духовного диапазона некоторыми нюансами бодрого внутреннего мира (durch Bereicherung der seelischen Spannweite um einige Nuancen stimmungsvoller Innerlichkeit), а в остальном — только в качестве нового источника получения милостей с помощью священнодействий (magischer Sakramentsgnade) и церемоний, служащих усилению традиций (traditionsstärkender Zeremonien).

Тем самым, было сказано, что значение подобной этики интеллектуалов для широких масс должно было иметь свои ограничения. В первую очередь локальные и, прежде всего, социальные различия в образовании самом по себе были огромными. Сохранять у наиболее бедных народных слоев (Volkskreisen) традиционное и вплоть до Нового времени основанное преимущественно на натуральном хозяйстве удовлетворение потребностей с помощью не существовавшей нигде в мире и граничащей с полной невероятностью виртуозности (Unglaubliche grenzende Virtuosität) в бережливости (в потребительском смысле слова) было возможно только при том образе жизни (Lebenshaltung), который абсолютно исключал любое внутреннее отношение к конфуцианскому идеалу джентльмена. Только жесты и формы внешнего поведения (äußeren Sichverhaltens) господствующего слоя (Herrenschaft) могли здесь, как и повсюду, служить предметом всеобщего восприятия (Rezeption). Решающее влияние образованного слоя (Bildungsschicht) на образ жизни *масс* осуществлялось, по всей вероятности, прежде всего, с помощью определенного негативного воздействия, т.е. полного воспрепятствования возникновению профетической религиозности, с одной стороны, и последовательного искоренения всех оргиастических компонентов анимистической религиозности (orgiastischen Bestandteile der animistischen Religiosität), с другой. Следует считать возможным то, что и этим, среди прочего, была обусловлена, по меньшей мере, часть тех особенностей, которые нередко рассматриваются как расовые качества китайцев. Сегодня даже специалисты, несомненно, едва ли смогли бы сказать что-либо определенное о том, насколько велико значение биологического «наследственного материала» («Erbgutes»). Но для нас является важным одно весьма очевидное и подтверждаемое выдающимися синологами наблюдение, а именно то, что чем дальше идти вглубь истории, тем *более похожими* оказываются китайцы и их культура (в отношении важных здесь для нас проявлений) на то, что обнаруживается и у нас. Как древние народные верования, древние отшельники (Anachoreten), древнейшая «Книга песен» (Schiking) (см. прим. 4), древние военные вожди (Kriegskönige), противоречия между различными философскими школами, феодализм, так и предпосылки (die Ansätze) капиталистического развития в эпоху разделения Китая на ряд государств (in der Zeit der Teilstaaten) представляются нам намного более близкими аналогичным западным явлениям, чем считающиеся характерными свойства конфуцианского китайского общества (als charakteristisch geltenden Eigenschaften konfuzianischen Chinesentums). Следовательно, необходимо считаться с возможностью того, что его многие считающиеся изначальными черты (als angeboren angesprochenen Züge) являются продуктами чисто исторически обусловленного культурного воздействия.

Для изучения черт этого типа социологу в первую очередь предоставляются, несомненно, очень разные в смысле значимости, но, в конце концов, относительно довольно надежные сведения (Erfahrungen), содержащиеся в миссионерской литературе. Некоторые постоянно подчеркиваемые наблюдения: бросающееся в глаза отсутствие «нервов» в специфическом смысле этого слова, который объединяет современных европейцев, безграничное терпение и неизменная вежливость, выносливость, привязанность к привычному, абсолютная бесчувственность по отношению к монотонности и способность работать без отдыха (pausenlose Arbeitsfähigkeit), замедленность реакции на непривычные раздражители, особенно в интеллектуальной сфере — все это, как представляется, можно легко и ясно рассмотреть в качестве

единого целого (*gut und verständlich zusammenhängende Einheit*). Но, кроме того, существуют еще кажущиеся резкими контрасты. Чрезвычайный, превосходящий обычную меру и выражающийся как неискоренимое недоверие страх (*Scheu*), прежде всего, перед неизвестным и не поддающимся непосредственной проверке, неприятие познания всего не находящегося в непосредственно доступной близости и не несущего прямую пользу (*nach Kenntnis alles nicht direkt handgreiflich Naheliegenden und Nützlichen*) или отсутствие потребности в этом, по-видимому, вступают в контраст с безграничной добродушной доверчивостью по отношению к любому сколь-угодно фантастическому магическому обману (*Schwindel*). В равной степени [контрастом] является, как представляется, действительно очень сильная нехватка подлинного симпатического сопереживания по отношению к личности нижестоящего лица и как очевидная противоположность — тесная сплоченность социальных союзов (*Zähigkeit des Zusammenhaltes der sozialen Verbände*). Считающееся типичным бессердечное отсутствие уважения (*lieblose Autoritätslosigkeit*) по отношению к еще не выросшим детям кажется трудно сочетающимся с абсолютным послушанием и церемониальным пиететом выросших детей по отношению к родителям. Равным образом кажется, что трудно согласовать — как подтверждаемую вновь и вновь — и нигде в мире не находящую ничего подобного себе — неискренность (например, по отношению к своему адвокату [*Anwalt*] с относительно и в сравнении с другими странами феодального прошлого, как, например, с Японией, очевидно очень примечательной надежностью купечества, осуществляющего крупные сделки [*sehr bemerkenswerten Zuverlässigkeit der Kaufleute im großen Geschäftsverkehr*] (розничная торговля, разумеется, была далека от этого, и «твердые цены» даже в кругу своих соотечественников были преимущественно фиктивными). Типичное *недоверие* китайцев друг к другу констатируют все наблюдатели, и оно очень сильно контрастирует с доверием к порядочности собратьев по вере в пуританских сектах, которое было *извне* направлено на общину (*Gemeinschaft*). Но, в конце концов, вообще контрастирует цельность (*Einheit*) и непоколебимость психофизического габитуса с хорошо известным непостоянством всех тех особенностей китайского образа жизни, который, в отличие от безусловного большинства других образов жизни, не регламентировался *извне* с помощью строгих норм. Если сказать острее, то отсутствие «изнутри вовне» («*von Innen heraus*»), т.е. на основе вообще какой-либо собственной позиции, регулируемой целостности образа жизни (*regulierten Einheit der Lebensführung*) составляет фундаментальный контраст по отношению к связанности, образованной с помощью бесчисленных традиций (*zahllose Konventionen hergestellter Gebundenheit*). Как все это объясняется?

Отсутствие истерической аскезы (*hysterisierenden Askese*) и приближающихся к ней форм религиозности и — не абсолютное, но все же значительное — исключение всех дурманящих культов (*Rauschkulte*) не могло быть осуществлено без воздействия на нервную и душевную конституцию группы людей. В том, что касается использования опьяняющих средств, китайцы со времени пацификации [*Pazifizierung*] (в сравнении со значением пирушек в древних мужских союзах [*Männerhaus*] и на княжеских дворах) относились к (сравнительно) «трезвым» народам. Опьянение и оргиастическая «одержимость» подрывали любой харизматический престиж святости (*charismatische Heiligkeitsschätzung*) и считались симптомами господства демонов. Конфуцианство осуждало употребление алкогольных напитков (*Spirituosen*)

кроме как – в качестве рудимента – на жертвоприношениях (Opfern). То, что в действительности алкогольное опьянение и в Китае было нередким среди низших слоев народа, по сути ничего не изменяет в том, что касается *относительного* значения этого отличия. Но считающийся специфическим китайским средством опьянения опиум начал импортироваться только в современную эпоху и его ввоз в страну, как известно, был навязан извне с помощью войны вопреки острейшему сопротивлению господствующих слоев. Кроме того, его последствия связаны с апатическим экстазом, следовательно, заключаются в прямом развитии линии «Ву вэй» («Wu wei»), но не приводят к героическому опьянению или раскрепощению активных страстей. «Невозмутимость» («Ungebrochenheit»), воспринимаемая как бесчувственность, связана, возможно, в определенной степени с этим полным отсутствием в китайской религиозности дионисических элементов, что является следствием осознанного отрезвления культа, произведенного бюрократией (Ernüchterung des Kults durch die Bureaokratie). Нет ничего в ней, и ничего и не должно быть, что могло бы вывести душу из равновесия. Любое чрезмерное страдание, особенно гнев, вызывали злые чары, Чэй (Tschei), и при каждом страдании в первую очередь спрашивали – с воздействием какого Чэй его следовало связать. Поддержание анимистической магии как единственной, хотя и презираемой образованными людьми (Gebildeten), но все же поддерживаемой характером официального культа формы народной религиозности обусловило традиционалистический страх перед любым нововведением, которое могло бы вызвать злые чары и причинить беспокойство духам. Она объясняет значительную доверчивость. Следствие сохранения магической веры, а именно то, что болезнь и несчастье воспринимались как симптомы гнева богов, вызванного по собственной вине, должно было содействовать определенному блокированию тех симпатических ощущений, которые обычно проистекали из общего чувства религиозий спасения (Gemeinschaftsgefühl von Erlösungsreligionen) в противоположность страданию и оттого в Индии столь сильно доминировали в народной этике. Результатом этого было специфическое *прохладное* темперирование китайской доброжелательности (*kühle Temperierung der chinesischen Menschenfreundlichkeit*) даже в отношениях внутри рода, связанное с церемониальной корректностью и эгоистическим страхом перед духами.

Сокровищница фольклорных исследований в той мере, в какой она собственно используется в трудах В. Грубе, показывает неисчерпаемые церемониальные отношения (Bindungen), почти беспримерные в силу своей обстоятельности и, прежде всего, в силу неприкосновенности всех своих деталей, в таком виде, как они сопровождали существование китайца от эмбрионального состояния вплоть до культа мертвых. Из них одна часть имеет, очевидно, магическое, а именно апотропеическое (apotropäischen) (см. прим. 5) происхождение. Другая часть обязана даосизму и народному буддизму, который надо будет еще рассмотреть далее, причем они оба оставили очень глубокие следы в области повседневной жизни масс. Но сохраняется очень значительный остаток чисто традиционно-церемониального (konventionell-zeremoniellen) характера. Предписанные церемониями вопросы, на которые следовало давать предписанные церемониями же ответы, неизбежные в силу церемоний предложения, на которые вносящему их лицу церемониями предписывался благодарный отказ в определенной форме, посещения, подарки, изъявления внимания, сопереживание в горе и в радости церемониального характера оставляли далеко по-

зади у себя за спиной все то, что в Испании поддерживалось внутри (феодалной и, пожалуй, также испытывавшей и влияние ислама) старокрестьянской традиции вплоть до рубежа современной эпохи. И здесь, в области *жеста* и *лица* необходимо предполагать происхождение преимущественно из конфуцианства в целом также и там, где оно не может быть доказанным. Не всегда, разумеется, на тип обычая (*Brauches*), но всегда на «дух», с которым он практиковался, оказывал влияние идеал приличий (*Schicklichkeits-Ideales*) конфуцианства, эстетически прохладная температура (*ästhetisch kühle Temperatur*) которого позволила окаменеть в качестве символических церемоний всем унаследованных от феодальных времен обязанностям, особенно тем, что были связаны с милосердием. С другой стороны, вера в духов сильнее привязывала сотоварищей по клану (*Sippengenossen*) друг к другу. Неискренность (*Unwahrhaftigkeit*), на которую так часто жалуются, без сомнения отчасти была, как и в древнем Египте, прямым продуктом патримониального фискализма, который в этом духе развился повсюду, потому что процесс сбора налогов и в Египте, и в Китае был очень схожим: набеги, побои, помощь сородичей (*Versippten*), рыдания обиравших (*Bedrängten*), страх перед вымогателями и компромиссы. — Но рядом с этим в конфуцианстве, разумеется, находился совершенно исключительный культ приличного (*Schicklichen*). Но, с другой стороны, отсутствовали жизнеспособные феодальные инстинкты, с точки зрения которых всякая торговля была заклеяна словами «*Qui trompe-t-on?*» (см. прим. 6), и оттого на основе прагматической констелляции интересов (*Pragmatik der Interessenlage*) защищенного монополистическими привилегиями и знатного образованного сословия, занимающегося *внешней* торговлей — гильдии *Ko Hang* (*monopolistisch gesicherten und vornehmen, gebildeten Außenhandelsstandes der Ko Hang Gild*) — могла развиваться такая коммерческая надежность (*geschäftliche Zuverlässigkeit*), которая обычно восхвалялась в конфуцианстве. Эта надежность была, если она встречалась, привитой скорее извне, чем изнутри, в отличие от того, что было характерно для пуританской этики.

Но это верно для этических качеств вообще.

Подлинное пророчество создает систематическую ориентацию образа жизни на *определенный* ценностный масштаб (*an einem Wertmaßstab*), который был направлен изнутри вовне и который выступает по отношению к «миру» как средство (*Material*), этически формирующее его согласно нормам. Конфуцианство, напротив, было приспособлением к внешней среде, к условиям «мира». Но оптимально приспособленный человек, рационализирующий *только* согласно потребности в приспособлении (*im Maße der Anpassungsbedürftigkeit*) в рамках своего образа жизни, не является систематической целостностью (*systematische Einheit*), а выступает как комбинация отдельных полезных качеств. Существование анимистических представлений о множестве душ отдельного индивидуума в китайской народной религиозности могло бы быть почти символом этого обстоятельства. Всюду там, где отсутствовал выход за пределы мира, должен был также отсутствовать и противовес миру. При этом могли возникать доместикация масс и добрые манеры джентльмена (*gute Haltung des Gentleman*). Но стиль, который они придавали образу жизни, должен был характеризоваться существенными негативными элементами и он не позволял возникнуть тому стремлению к внутреннему единству перед лицом внешнего мира (*Einheit von innen heraus*), которое мы связываем с понятием «личность». Жизнь оставалась только серией событий (*Vorgängen*), но не методически ориентированной целостностью,

подчиненной трансцендентальной цели (kein methodisch unter ein transzendentes Ziel gestelltes Ganzes).

Противоположность этой социально-этической позиции всем типам западной религиозной этики была непреодолимой. Со стороны некоторые патриархальные стороны томистской, а также лютеранской этики могли бы показаться как имеющие явно схожие с конфуцианством черты. Но эта видимость является внешней. Потому что ни одна, и в том числе и христианская этика, тесно взаимосвязанная с земными порядками в рамках столь сковывающего компромисса (so enges Kompromiß), не смогла полностью искоренить пессимистическое напряжение между миром и сверхмирным предназначением (überweltlicher Bestimmung) отдельной личности с его неизбежными последствиями, как это сделала конфуцианская система радикального мирового оптимизма (Weltoptimismus).

Какое-либо напряжение между природой и божеством, этическими требованиями и человеческим несовершенством (Unzulänglichkeit), сознанием греховности и потребностью в спасении, посясторонними деяниями и потусторонним вознаграждением, религиозным долгом и социально-политическими реальностями совершенно отсутствовали именно в этой этике, а поэтому отсутствовала и любая возможность оказывать влияние на поведение (Lebensführung) с помощью внутренних сил (Gewalten), которые не были регламентированы в чисто традиционном и конвенциональном духе. Намного более мощной, воздействующей на поведение людей силой был основанный на вере в духов пietet перед семьей (Familienpietät). Он в конечном итоге был тем, что по-прежнему делало возможным, как мы видели, сильную сплоченность кланового союза (starken Zusammenhalt der Sippenverbände) и упоминавшийся ранее тип объединения внутри артелей (Art der Vergesellschaftung in Genossenschaften), которые могут рассматриваться как разросшиеся семейные предприятия (erweiterte Familienbetriebe), основанные на разделении труда, и господствовало в них. Эта крепкая сплоченность была в своем роде всецело религиозно мотивированной, и могущество первозданной китайской экономической организации было значительным настолько, насколько могущественными были эти управляемые с помощью пietet личные союзы. В качестве разительной противоположности пуританской этике, сводящейся к опредмечиванию тварных задач (Versachlichung der kreatürlichen Aufgaben), китайская этика развивала свои наиболее сильные мотивы внутри круга естественно-сложившихся (или примыкающих к ним, или подражающих им) *личных* союзов (Personenverbände). В то время как в пуританизме религиозный долг перед надмирным, потусторонним богом все отношения к ближнему и, в том числе и отношения к наиболее близким с точки зрения естественных жизненных порядков, оценивал только как средство и выражение поднимающегося над органическими условиями жизни образа мысли (über die organischen Lebensbeziehungen hinausgreifenden Gesinnung), то, напротив, религиозный долг благочестивого китайца указывал только на деятельность (Sichauswirken) *внутри* органически данных личных отношений. Всеобщую «любовь к человеку» Мен-цзы отвергал с тем соображением, что благодаря ей гаснут пietet и справедливость: не иметь ни отца, ни брата присуще животным. В содержание обязанностей китайца-конфуцианца всегда и повсюду входило сохранение пietet по отношению к конкретным, живым или мертвым, людям, которые были близки ему в силу существующих порядков, но никогда — по отношению к надмирному богу и, *следовательно*, по отно-

шению к священным «делам» или «идеям». Потому что «дао» не было ни тем, ни другим, а выступало как обязательный *традиционный ритуал*, и не «деяние» («Handeln»), а «пустота» («Leere») являлась предписываемой ему заповедью. Персоналистическое ограничение опредмечивания (Versachlichung) имело существенное значение, безо всякого сомнения, также и для экономического образа мысли (Wirtschaftsgesinnung) как ограничение объективируемой рационализации в силу того, что оно характеризовалось неизменной тенденцией привязывать отдельную личность к его товарищам по клану и кланоподобным образованиям (Sippen- und sippenartig mit ihm verbundenen Genossen), т.е. в любом случае к «личности», а не к предметным задачам («предприятию»). Именно оно было, как следует из всего вышеизложенного, в наиболее интимной сфере связана с типом китайской религиозности, с теми ограничениями рационализации религиозной этики, которые правящий образованный слой (maßgebende Bildungsschicht) поддерживал в интересах сохранения своего положения. Имело большое экономическое значение то, что всякое *доверие*, будучи основой любых деловых отношений, всегда основывалось на родственных или квазиродственных, т.е. число личных, отношениях, как это в значительной степени было характерно для Китая. Большим достижением этических религий, прежде всего, этических и аскетических сект протестантизма, являлось разрушение таких клановых связей и утверждение превосходства общности, основанной на единстве веры и повседневной жизненной *этике* (Glaubens- und *ethischen* Lebensführungsgemeinschaft) в противоположность *кровнородственной* общности (Blutsgemeinschaft) и даже в значительной мере в противоположность семье. Если взглянуть на дело с экономической точки зрения, то речь шла об обосновании *делового доверия* (geschäftlichen Vertrauens) с помощью *этических качеств* отдельных индивидуумов, которые испытывались в предметном *профессиональном труде* (sachlicher Berufsarbeit). Последствия универсального недоверия всех ко всем как итог официального всеобщего господства традиционной неискренности (konventionellen Unaufrichtigkeit) и исключительного значения сохранения лица в конфуцианстве экономически должны, вероятно — так как здесь не существует адекватных средств измерения (Maßmethoden) — оцениваться достаточно высоко.

Конфуцианство и обоготворяющий «богатство» конфуцианский образ мышления могут благоприятствовать хозяйственно-*политическим* мероприятиям (wirtschaftspolitische Maßregeln) соответствующего типа (как это делал, как мы видели, и открытый миру Ренессанс [weltoffene Renaissance] на Западе). Но именно здесь можно видеть *границу* значения хозяйственной *политики* для хозяйственного *образа мышления*. Материальное благополучие в качестве последней цели *никогда и нигде* в культурных странах с такой силой (Emphase) не провозглашалось. Хозяйственно-политические воззрения Конфуция примерно соответствовали экономическим взглядам наших «камералистов». Пользу *богатства*, приобретаемого, в том числе, и с помощью торговли, подчеркивал конфуцианец Се Ма Тсиен, который даже написал трактат о «Торговом балансе», являющийся самым древним документом китайской политэкономии (Nationalökonomie). Хозяйственная *политика* была чередованием фискальных мероприятий и мероприятий в духе laissez-faire (см. прим. 7), но в любом случае по своим замыслу и целям она не была антихрематистической. «Презираемыми» были купцы в нашем средневековье, как и подобным же образом сословия образованных (von den Literaten) источает «презрение» по отношению к ним в

современном Китае. Но хозяйственной *политикой* не создается никакого капиталистического хозяйственного *образа мышления* (*Wirtschaftsgesinnung*). Денежные доходы торговцев в эпоху воюющих царств (*Die Geldverdienste der Händler der Teilstaatenzeit*) были *политической* прибылью государственных поставщиков (*politischer Gewinn von Staatslieferanten*). Крупные горнорудные предприятия (*Bergwerksfronden*) рассматривались как средства накопления золота (*Goldsuche*). Но никто из посредников (*Mittelglied*) не переходил от конфуцианства и его достаточно прочно, как и в случае христианства, укорененной этики к *буржуазной методике* жизни (*einer bürgerlichen Lebensmethodik*). К последней подвело только одно. Ее создал пуританизм и, причем, совершенно против своей воли. Парадоксальность воздействия против воли: человек и судьба (судьба как *последствие* его действия в отличие от его *намерения*) в данном смысле: *этому* может нас научить этот, кажущийся только на самый первый поверхностный взгляд редким, поворот «естественного» (*Umkehr des «Natürlichen»*).

Радикально противоположный тип рационального отношения к миру (*Weltbehandlung*) воплощает в себе *пуританизм*. Это, как мы убедились ранее, совершенно не однозначное понятие. «*Ecclesia pura*» (см. прим. 8) практически означала, в строгом смысле слова, прежде всего, очищенную во славу бога от нравственно отвергнутых членов общины и объединенную обрядами причастия (*Abendmahlsgemeinschaft*) христианскую общину, независимо от того, зиждилась ли она на кальвинистских или же на баптистских основаниях и, соответственно этому, независимо от того, является ли она в отношении устройства церкви в большей степени синодальной или конгрегационалистской. Но в более широком смысле под этим можно понимать ригористические в нравственном отношении, христианско-аскетические общины мирян (*rigoristischen, christlich-asketischen Laiengemeinschaften*) вообще, следовательно, относя к этому типу исходящие из пневматико-мистических начал христианские анабаптистские, менонитские и квакерские общины, а также аскетически-пиетистские и методистские общины. Своеобразие этого типа в сравнении с конфуцианским заключалось в том, что здесь вопреки форме аскетического отрицания мира или, более того, именно благодаря ей проявлялась противоположность бегству от мира (*Weltflucht*) — ценностная рационализация. Люди, поскольку перед лицом бога между ними в том, что касается низости их тварной природы, не могло быть никаких различий, все в равной мере были отверженными и в этическом отношении абсолютно порочными, а мир — сосудом с грехами (*ein Gefäß der Sünde*). Приспособление к своим тщеславным традициям (*an ihre eitlen Gepflogenheiten*) было бы здесь знаком отверженности, а самосовершенствование в конфуцианском духе — идеалом, кощунственным в силу своего прославления тварности (*blasphemisch kreaturvergötterndes Ideal*). Богатство и преданность своим плотским радостям считались специфическим искушением, обращение к людской философии и литературному образованию — греховным высокомерием низкой твари, а любая вера в возможность магического воздействия на духов и богов (*magischen Geister- und Gotteszwang*) — не только презренным суеверием, но и дерзким богохульством. Все, что напоминало о магии, любой остаток ритуальности и всевластия священников (*Priestergewalt*), было искоренено. Квакерство не знало, согласно теории, даже назначаемых священников (*bestellten Prediger*), а большинство аскетических сект, по меньшей мере, не ведало ни о каких оплачиваемых профессиональных священни-

ках. В светлых небольших помещениях для собраний у квакеров не было ни единого следа религиозной эмблематики.

Люди по своей природе в равной степени были грешными, но их религиозные шансы все-таки не были одинаковыми, а являлись в высшей степени неравными, причем не только в рамках ограниченных промежутков времени, но и раз и навсегда (*nicht nur zeitweilig, sondern definitiv*). Или прямо в силу беспричинного предопределения [*grundloser Prädestination*] (как у кальвинистов, у части баптистов, уайтфилдских методистов и реформированных пиетистов). Или все же в силу своей различной квалификации в области духовных дарований (*pneumatischen Geistesgaben*). Или же, наконец, в силу различной интенсивности и, следовательно, также в силу различия успеха своих стремлений у старых пиетистов достичь решающего акта обращения в веру, «войны епитимий» («*Bußkampf*») и «озарения» («*Durchbruch*») или того, каким еще могло бы быть возрождение (*Wiedergeburt*). Но при всех этих различиях здесь всегда правили провидение и беспричинная, незаслуженная, «свободная» благодать надмирного бога (*grundlose, unverdiente, «freie» Gnade eines überweltlichen Gottes*). Поэтому вера в предопределение (*Prädestinationsglaube*) была хотя и единственной, но все же самой последовательной догматической формой этой религиозности виртуозов (*Virtuosenreligiosität*). Лишь немногие из *massa perditionis* (см. прим. 9) были призваны к тому, чтобы достичь спасения (*Heil*), а именно только те, кто в силу предопределения от века был удостоен его, или же даже если оно и предлагалось всем (у квакеров — также и нехристианам), то только небольшая часть людей (*kleinen Haufen*) была в состоянии добиться его. Согласно одним пиетистским учениям, спасение предлагалось только единственный раз в жизни, согласно другим (у так называемых терминистов) — раз и в строго ограниченный срок (*einmal zum letztenmal*), и человек непременно должен был быть в состоянии воспользоваться этим случаем. Следовательно, все было ориентировано на свободную милость бога (*freie Gnade*) и на судьбу в потустороннем мире (*auf das Jenseits schicksal*), а посюсторонняя жизнь воспринималась либо как юдоль (*Jammertal*), либо лишь как переходящее (*Durchgang*). Но именно поэтому на этом важном отрезке времени и на том, что происходило внутри его, делался важный акцент в духе слов Карлейля: «Тысячелетия должны были пройти, прежде чем ты появился, а другие тысячелетия молчаливо ждут того, с чего ты начнешь свою жизнь». Не потому, что было возможным достичь спасения только собственными усилиями. Это было невозможно. А потому что персональное предназначение (*Berufung*) к спасению выпадало на долю только отдельной личности и это легко достигалось, прежде всего, лишь с помощью осознания целостного отношения ее данной краткой жизни к сверхмирному богу и его воле — с помощью «освящения» («*Heiligung*»). Оно могло быть доказано, как и в случае активной аскезы, только богоугодным деянием (*gottgewolltem Tun*), следовательно, этическим действием, на котором и основывалось благословение бога (*Gottes Segen*), и таким образом могло дать отдельному индивидууму благословенную уверенность (*Heilsgewißheit in der Sicherheit*) в том, что он является орудием бога. Тем самым, наивысшая мыслимая внутренняя награда была связана с рациональной нравственной жизненной методикой (*rationale sittliche Lebensmethodik*). Только жизнь по строгим и управляемым из единого центра принципам могла считаться богоугодной. Если естественная преданность миру (*unbefangene Hingabe an die Welt*) со всей безусловностью уводила в сторону от спасения, то этот тварный мир и эти тварные люди все

же были творениями бога, к которым он предъявлял определенные требования и которых он создал (по кальвинистскому представлению) «для своей славы» и в которых он поэтому, какими бы они ни были ущербными в своей тварности, хотел видеть воплощенной свою честь (Ehre), тогда как грехи, а по возможности и сама жизнь, обуздывались, и на них с помощью рационального порядка налагалась этическая дисциплина (Zucht). «Воздействие (Wirken) трудов того, кто меня послал, происходит, поскольку длится день» являлось здесь обязанностью, и эти самоотверженные труды имели не ритуальный, а рационально-этический характер.

Противоположность по отношению к конфуцианству очевидна. Каждая из этих этик имела свой иррациональный фундамент (Verankerung): в одном случае магия, в другом, в конечном счете, непостижимые решения надмирного бога (Ratschlüsse eines überweltlichen Gottes). Но из магии следовала, поскольку испытанные магические средства и, в конечном счете, все унаследованные формы поведения в целях спасения от гнева духов оставались неизменными, непоколебимость традиции (Unverbrüchlichkeit der Tradition). Из отношения к сверхмирному богу и к тварному порочному и этически иррациональному миру следовали, напротив, абсолютное отсутствие священности традиции (die absolute Unheiligkeit der Tradition) и абсолютно неисчерпаемая задача постоянного труда по этически рациональному овладению существующим миром и господству над ним (ethisch rationalen Bewältigung und Beherrschung der gegebenen Welt): рациональная предметность «прогресса» (die rationale Sachlichkeit des «Fortschritts»). Следовательно, приспособлению к миру в одном случае противопоставлялась задача его рационального преобразования (rationalen Umgestaltung) в другом. Конфуцианство требовало постоянного деятельного самовладения (wache Selbstbeherrschung) в интересах поддержания достоинства всесторонне совершенного и превосходного светского человека (allseitig vervollkommeneten perfekten Weltmannes), пуританская этика – в интересах методической целостности ориентации на волю бога (methodischen Einheit der Eingestelltheit auf den Willen Gottes). Конфуцианская этика в высшей степени осознанно оставляла людей внутри их естественно-сложившихся (naturgewachsenen) или находящихся в рамках социальной иерархии (sozialen Ueber- und Unterordnungsverhältnisse) личных отношений (Beziehungen). Она преображала их, и только их в этическом духе и, в конечном счете, не признавала никаких других социальных обязанностей кроме обязанностей пиетета к человеку (menschlichen Pietätspflichten), созданных такими личными отношениями, как отношения человека к человеку, князя к слуге, высших чиновников к низшим, отца и брата к сыну и брату, учителя к ученику, друга к другу. Для пуританской этики, напротив, именно эти личные отношения – хотя она им, естественно, если они не были богопротивными, позволяла существовать и этически регулировала их – все же находились под большим подозрением, потому что имели тварный характер. Отношение к богу по сравнению с [этими] отношениями имело при любых обстоятельствах первостепенное значение. Следовало безусловно избегать слишком интенсивных, обоготворяющих тварность отношений к человеку именно как к таковому. Ибо доверие именно к наиболее близким в силу естественного порядка вещей людям было бы опасным для души. Собственные ближайшие родственники проклинали бы – как мы видели – кальвинистскую герцогиню Ренату фон Эсте, если бы узнали, что она (в силу беспричинного предопределения) была отвергнута богом. Из этого следовали очень важные в практическом отношении различия обеих эти-

ческих концепций, несмотря на то, что мы их обе оцениваем все же в соответствии с их практическим значением (*Wendung*) как «рационалистические», и что они обе влекли за собой «утилитарные» последствия. Хотя не только из такой социально-этической позиции (*Stellungnahme*) — а и из своеобразия политической структуры господства (*Eigengesetzlichkeiten der politischen Herrschaftsstruktur*) — но все же в очень существенной мере *также* из первой следовало сохранение клановой сплоченности (*Sippegebundenheit*) в Китае, сохранение полностью связанного с личными отношениям характера политических и экономических форм организации, все из которых (относительно) отличались разительным отсутствием рационального опредмечивания (*Versachlichung*) и проявлений абстрактного трансперсонального целевого союза (*Zweckverbandscharakters*), начиная от отсутствия подлинных «общин», особенно в городах, и вплоть до отсутствия экономических форм объединения и ведения предприятия чисто делового целесообразного типа (*Vergesellschaftungs- und Betriebsformen rein sachlich zweckgebundener Art*). Из чисто китайских корней такие формы почти даже и не возникли (см. прим. 10). Любое общественное действие (*Gemeinschaftshandeln*) оставалось здесь охваченным и обусловленным чисто личными, прежде всего, родственными отношениями и, помимо этого, профессиональным братанием (*Berufsverbrüderungen*). В то же время пуританизм, напротив, все опредметил и преобразовал в рациональное «предприятие» и в систему строго предметных «деловых» отношений (*rein sachlich «geschäftliche» Beziehungen*), а также поставил рациональное право и рациональные договоренности (*rationale Vereinbarung*) на место повсеместно господствующих в Китае традиций, локальных обычаев (*Gepflogenheit*) и получения конкретных милостей личного характера от чиновников (*konkreten persönlichen Beamtegnade*).

Еще более важным является другое. Мироутверждающий утилитаризм (*Weltbejahende Utilitarismus*) и убеждение в этической ценности богатства как универсального средства всестороннего нравственного совершенствования вкупе с чрезвычайно изобильной народной поэзией в Китае в неслыханной еще степени увеличили «расчетливость» («*Rechenhaftigkeit*») и скромность (*Genügsamkeit*). Мелкий торговец торговался и бранился из-за каждого пфеннига и ежедневно подсчитывал выручку. Согласно надежным сообщениям путешественников, деньги и денежные интересы в Китае являлись как мало где-либо еще в мире неисчерпаемой темой разговоров местных жителей между собой. Но очень сильно бросается в глаза то, что великие *методические* деловые концепции рационального типа, предшествовавшие современному капитализму, по меньшей мере, в области экономики, здесь так и не возникли из этого бесконечно интенсивного хозяйственного движения (*Wirtschaftsgetriebe*) и часто критикуемого грубого «материализма», и Китай оставался чуждым этим концепциям повсюду там, где им его не научило чужеземное влияние (как, например, в случае кантонцев) в прошлом или воздействие неудержимо проникающего западного капитализма ныне. В Китае в свое время (похоже, здесь довольно долго существовала политические конфликты [*Spaltungen*]), правда, возникли формы политически ориентированного капитализма, сдача должностей в аренду и ростовщичество (*Amts- und Notkreditwucher*), прибыли крупной торговли и в ремесленной области — эргастерии (а также более крупные мастерские) в той форме, в какой они существовали уже в поздней античности, в Египте и в исламских странах, причем новой была также типичная зависимость от издателей и продавцов, и все же

они, в общем, не обладали строгой организацией «sistema domestico» (см. прим. 11) уже нашего позднего средневековья. Но, несмотря на действительно интенсивную внутреннюю (и, в меньшей степени, временами и значительную зарубежную) торговлю, в Китае не возникло никакого буржуазного капитализма современного или даже позднесредневекового типа: здесь не было никаких рациональных форм позднесредневекового и уж тем более научного европейского капиталистического коммерческого «предприятия», не было образования «капитала» европейского типа (китайский капитал, который участвовал в современных шансах, был преимущественно капиталом мандаринов, следовательно, капиталом, накопленным с помощью сдачи должностей в аренду), никакой рациональной методики организации предприятия европейского типа, никакой действительно рациональной организации коммерческой службы информации, никакой рациональной денежной системы, никакого находящегося хотя бы даже на уровне птолемеевского Египта развития денежного хозяйства, здесь существовали только зачатки (характерные, но в значительной мере характерные также и своим техническим несовершенством зачатки) тех правовых институтов, что представлены в нашем фирменном праве (Firmenrecht), праве торговых обществ, вексельном праве и финансовом праве, существовало в высшей степени ограниченное использование многочисленных (см. прим. 12) технических изобретений для чисто экономических целей, наконец, отсутствовала действительно технически полноценная купеческая система написания документов, организации счета и ведения бухгалтерских книг. Следовательно, несмотря на полное отсутствие рабов — следствие достижения мира во всем государстве (Befriedung des Reichs) — порядки в Китае были очень похожими на средиземноморскую античность, но в некоторых отношениях они являлись все же еще более далекими от «духа» современного капитализма и его институтов, чем она. Значительная, несмотря на вполне еретическое судопроизводство (Ketzergericht) по сравнению с нетолерантностью по меньшей мере кальвинистского пуританизма, религиозная терпимость, значительная свобода обращения товаров, мир, свобода передвижения, свобода выбора профессий и методов производства, отсутствие любых препятствий для духа мелкой торговли: все это оказалось все же недостаточным для возникновения в Китае современного капитализма. Следовательно, то, что «стремление к обогащению» («Erwerbstrieb»), высокая, даже эксклюзивная, оценка богатства и утилитарный рационализм в себе и для себя еще не имеют ничего общего с *современным* капитализмом, можно изучать на примере именно этой типичнейшей страны стяжательства (Lande des Erwerbes). Китайский мелкий и средний коммерсант [Geschäftsmann] (а также и крупный, который находился во власти старых традиций) приписывал свои успехи и неудачи (Erfolg und Mißerfolg), как и пуританин, действию божественных сил. Но китаец приписывал их своему (даосистскому) богу богатства: они были для него не симптомами милости, а следствиями магически или церемониально значимых заслуг или проступков, и оттого их стремились уравновесить с помощью ритуальных «добрых дел». У него отсутствовала центральная, внутренняя, религиозно обусловленная рациональная жизненная методика классического пуританина, для которого экономический успех был не последней целью и самоцелью, а средством испытания (Bewährung). Отсутствовала осознанная закрытость (Verschlossenheit) по отношению к влиянию и воздействиям со стороны «мира», которым пуританин считал необходимым овладеть с помощью определенного и односторонне ориентиро-

ванного рационального желания в той же мере, что и самим собой, и который его вел прямо к подчинению той мелочной, разрушающей любую рациональную методику ведения предприятия *жажде наживы* (*Erwerbsgier*), характерной для деятельности китайского мелкого торговца. То своеобразное ограничение и вытеснение естественных влечений (*natürlichen Trieblebens*) (см. прим. 13), которое влечет за собой строгую волевою этическую рационализацию и которое прививалось пуританину, для конфуцианца было чуждым. У него ограничение свободного выражения естественных влечений (*urwüchsigen Triebe*) имело совершенно другой характер. Строгое самообладание конфуцианца было подчинено тому, чтобы сохранить достоинство внешних жестов и манер, т.е. «лицо». Оно имело эстетический и при этом в значительной мере негативный характер: ценилась и была объектом устремлений «позиция» в себе, и помимо какого-либо определенного содержания. Подобное же строгое самообладание пуританина было направлено на нечто положительное: на определенным образом оцениваемое действие (*ein bestimmt qualifiziertes Handeln*) и, помимо этого, на нечто внутреннее: систематическое овладение своей, считающейся греховно-порочной, внутренней природой, инвентарь которой последовательный пиетист устанавливал с помощью ведения своего рода бухгалтерских книг, как это ежедневно делал еще такой эпигон, как Бенджамин Франклин. Потому что надмирный всеведущий бог рассматривал центральный внутренний габитус по отношению к миру, к которому приспособлялся конфуцианец, только как на привлекательный жест (*anmutige Geste*). Универсальному, препятствующему всем кредитам и всем деловым операциям недоверию, с которым думающий только о внешней «выдержанности» конфуцианский джентльмен относился к другим и предполагал подобное же отношение к самому себе, пуританин противопоставлял доверие, в особенности, экономическое, к безусловной и непоколебимой именно в силу своей религиозной обусловленности легальности братьев по вере. Это доверие было как раз достаточным для того, чтобы не позволять превращать его глубоко реалистический пессимизм и совершенно неуважительный пессимизм по отношению к тварной ущербности мира и людей, в том числе и вышестоящих, в препятствие для кредитного дела, необходимого для развития капиталистического обращения, а побудить его только к трезвому, рассчитывающему необходимые мотивы на основе постоянства предметных деловых целей (*sachliche Geschäftszwecke*) в соответствии с принципом «*honesty is the best policy*» (см. прим. 14), взвешиванию (*Abwägung*) объективных (внешних и внутренних) возможностей партнера (*Könnens des Gegenparts*). Слово конфуцианца было прекрасным и учтивым жестом, который являлся своей собственной целью, а слово пуританина предметным, лаконичным и абсолютно надежным деловым сообщением: «Да, да, нет, нет, что сверх того, то от лукавого». Бережливость конфуцианца, которая, впрочем, у джентльмена была строго ограничена сословными приличиями и, тогда, когда она становилась излишней, как в случае мистически обусловленного смирения Лао-цзы и некоторых даосов, то она оспаривалась школой, у китайских мелких бюргеров (*Kleinbürgertum*) была, по сути, накоплением по типу тезаврирования в крестьянском чулке. Оно производилось для обеспечения погребальных ритуалов и доброго имени, кроме того, ради чести и удовольствия обладания собственностью как таковой, как и повсюду в случае аскетически не преобразованного отношения к богатству. Для пуританина (*Besitz*), напротив, собственность как таковая была искушением в той же мере, как и для мона-

ха. Его обогащение (Erwerb) было сопутствующим результатом (Nebenerfolg) и симптомом успеха его аскезы подобно успеху аскезы в монастыре. У нас нет никакого выбора, говорил (как мы видели) Джон Уэсли — с ясно выраженной ссылкой на этот издавна наблюдающийся у пуританских деноминаций мнимый парадокс мироотрицания и виртуозности в деле обогащения (Erwerbsvirtuosität) — кроме как рекомендовать человеку: быть набожным «*что значит*» — в качестве неизбежного следствия — «*становиться богатым*», хотя опасность богатства для отдельной личности, равно как и для монастыря, была очевидной.

Для конфуцианца богатство было, как совершенно определенно учит дошедшее до нас выражение основателя этого учения, важнейшим средством быть *добродетельным*, т.е. жить достойно и иметь возможность посвятить себя самосовершенствованию. Поэтому призыв «Обогащайтесь» был ответом на вопрос о средствах улучшить людей. Потому что только так можно было жить «достойно» («*standesgemäß*»). У пуританина обогащение (Erwerb) был невольным последствием, но, вместе с тем, и важным симптомом собственной добродетельности, а расходование богатства в целях личного потребления преданностью миру, которая была очевидным обоготворением его тварности. Конфуций приобретение богатства (Reichtumserwerb) само по себе не отвергал, но оно у него воспринималось как нечто ненадежное и оттого способное воспрепятствовать благородному равновесию души, и поэтому любой настоящий профессиональный труд в хозяйстве (ökonomische Berufsarbeit) рассматривался как обывательская узкоспециализированная деятельность (banaischen Fachmenschentum). Для конфуцианца *специалист* (Fachmensch) в силу также его социально-утилитаристской ценности *не* поднимался до уровня носителя позитивного достоинства. Ибо — и это являлось решающим обстоятельством — «благородный муж» (джентльмен) в любом случае не являлся «никаким орудием», т.е. он был в своем приспособленном к миру самосовершенствовании (weltangepaßten Selbstvervollkommnung) высшей самоцелью, но ни коем случае не средством для достижения деловых целей (sachliche Zwecke) какого-либо рода. Это ключевое положение конфуцианской этики отвергало профессиональную специализацию, профессиональную бюрократию и профессиональное обучение, но, прежде всего, оно отвергало экономическую подготовку для обогащения (Erwerb). Такой «обоготворяющей тварность» максиме пуританизм совершенно четко противопоставляет в качестве задачи защиту частных деловых мирских целей (speziellen sachlichen Zwecken der Welt) и профессиональной жизни. Конфуцианец был человеком литературного образования, а именно — человеком книжного образования, человеком *письма* в наиболее чистом виде (Buch-Bildung, *Schrift-Mensch* in der höchsten Ausprägung), чуждым равным образом как эллинистической высокой оценке и развитию искусства речи и беседы, так и энергии рационального действия, независимо от того, является ли она военной или экономической. Большая часть пуританских деноминаций перед лицом безусловно непререкаемой непоколебимости Библии [unumgänglichen Bibelfestigkeit] (Библия была своего рода буржуазным сводом законов и учением о предприятии) отклоняли (хотя и не все с одинаковой степенью энергичности) философско-литературное образование, которое было высшей целью для конфуцианства, как пустую трату времени и как нечто религиозно опасное. Схоластика и диалектика, Аристотель и то, что стало развиваться на основе его философии, были для этих деноминаций злом и опасностью (ein Greuel und eine Gefahr), которые реализо-

вались, например, в картезианской рационально-математически обоснованной философии Шпенера (см. прим. 15). Полезные реальные знания, прежде всего, эмпирически-естественнонаучная и географическая ориентация, трезвая ясность реалистического мышления и профессионального знания как цель воспитания планомерно культивировались в первую очередь пуританскими, а в Германии в особенности пиеетистскими кругами. С одной стороны, как единственный путь познания славы бога и провидения (Gottes Ruhm und Vorsehung) в его создании, но, с другой стороны, как средство осуществления призвания по рациональному овладению миром и во славу бога (zu Gottes Ehre) выполнять свои обязанности. Конфуцианство и пуританизм были в равной степени далеки от эллинизма и сущности высокого Ренессанса, хотя и каждый из них в разном смысле.

Радикальная концентрация на богоугодных целях, бескомпромиссный практический рационализм аскетической этики, методическая концепция делового управления предприятием (sachliche Betriebsführung), отвращение к нелегальному политическому, колониальному капитализму, капитализму, основывающемуся на милостях со стороны любовниц государей и их прислуги, к разбойничьему капитализму и капитализму монополий и, в противоположность к этому, трезвая строгая легальность дисциплинированной рациональной энергии (gebändigte rationale Energie) постоянно действующего предприятия (Alltagsbetriebs), рационалистическая оценка технически более приемлемых путей и практической надежности (Solidität) вместо традиционалистской радости (Freude) от переходящего от поколения к поколению мастерства и совершенства (an der überkommenen Fertigkeit und der Schönheit des Produkts) продукта у старого ремесленника — все эти необходимые «этические» качества специфического капиталистического предпринимателя и специфическая готовность к труду набожного рабочего — этот решительный, религиозно систематизированный, своеобразный в случае каждой рационализированной аскезы тип утилитаризма, живущий «в» мире, а не «вне» мира, помог в конечном итоге, создать те превосходные рациональные способности и, тем самым, тот «дух» профессионализма (Berufsmenschentums), который оставался недоступным для конфуцианства и для его приспособленного к миру, т.е., хотя и рационального, но все же детерминированного извне вовнутрь, а не как в случае пуританизма — изнутри вовне — образа жизни. Эта противоположность может научить тому, что одна лишь трезвость и бережливость в единстве с жадной обогатения и высокой оценкой богатства совсем еще не были «капиталистическим духом» в смысле специфического современного экономического профессионального человека (Berufsmenschentums) или же могли быть лишены его. Типичный конфуцианец использовал свои сбережения и сбережения своей семьи для того, чтобы получить литературное образование и подготовиться к экзаменам и, тем самым, создать основу для получения сословных привилегий (ständisch vornehmen Existenz). Типичный пуританин зарабатывал много, потреблял мало и согласно аскетическому стремлению к бережливости (asketischen Sparzwangs) превращал свои доходы (Erwerb) в капитал в рамках рационального капиталистического предприятия. «Рационализм» — и это для нас является вторым выводом — был характерен для духа обеих этик. Но только *сверх*мирно (*überweltlich*) ориентированная пуританская рациональная этика последовательно осуществила *внутри*мирный (*innerweltlich*) экономический рационализм, и причиной этого было именно *то*, что она несла его внутри себя, а также именно *то*, что для нее труд в

мире (innerweltliche Arbeit) был только выражением стремления к трансцендентальной цели. Мир достался ей, в соответствии с обещанием, потому что она стремилась «только к своему богу и к его справедливости». Как раз в этом заключается основное различие между этими двумя типами «рационализма». Конфуцианский рационализм означал рациональное *приспособление* к миру. Пуританский рационализм означал рациональное *господство* над миром. Пуритане, как и конфуцианцы, были «трезвомыслящими» («nüchtern»). Но рациональная «трезвость» пуританина основывалась на фундаменте могущественного пафоса, который у конфуцианца полностью отсутствовал, на фундаменте того самого пафоса, который воодушевлял монашество Запада. Ибо отрицание мира (Weltablehnung), характерное для западной аскезы, было у пуританина неразрывно связано с требованием господства над миром как его оборотной стороной, а также, потому что вытекающие из них требования объявлялись от имени сверхмирного бога монаху и вслед за ним – в видоизмененной и смягченной форме – миру. Конфуцианскому идеалу благородного человека ничто так не противоречило, как мысль о «профессии». Аристократ («fürstliche» Mann) был эстетической ценностью и оттого *не* являлся *также и* «орудием» бога. Истинный христианин как совершенный вне- и внутримирный аскет даже и не пытался быть чем-то иным, а [только] этим «орудием». Ибо именно в этом он находил свое достоинство. И поскольку он хотел быть таковым, то он был действенным инструментом (ein brauchbares Instrument) для рационального преобразования мира и рационального господства над ним.

Китаец мог бы, согласно всем предсказаниям, в той же мере быть способным, а, вероятно, даже еще и более способным, чем японец, *усвоить* капитализм, достигший в Новое время наивысшего развития в техническом и экономическом отношении. Очевидно, что даже не следует и думать о том, что он для требований этого капитализма был «не способным» от природы. Но, несмотря на более многочисленные в сравнении с Западом внешне благоприятные для возникновения капитализма обстоятельства, он здесь был *создан* (geschaffen worden) в столь же малой степени, что и в западной и восточной античности, или в Индии и на землях ислама, хотя на каждой из этих территорий, по всей вероятности, его возникновению содействовали и другие, но равным же образом благоприятные обстоятельства. Из тех обстоятельств, что в Китае могли или должны были препятствовать возникновению капитализма, многие существовали и на Западе, причем именно в эпоху окончательного формирования современного капитализма. Это касается патримониальных черт системы господства (Herrschafts) и бюрократии или неустойчивости и слабого развития денежного хозяйства, которое даже в птолемеевском Египте было развито намного более основательно, чем в Европе XV и XVI вв. Из обстоятельств, которые мы обычно рассматриваем как препятствия для капиталистического развития на Западе, в Китае в течение тысячелетий отсутствовали пути, связанные с феодальными и помещичьими (отчасти и цеховыми) отношениями и, по-видимому, также и со значительной частью типичных для Запада разных монополий, препятствовавших обращению различных объектов собственности (typischen güterverkehrshemmenden Monopole aller Art). Из числа тех политических условий, которые со времени Древнего Вавилона и античности повсюду позволяли возникнуть политически обусловленному капитализму, *характерному в одинаковой мере* и для прошлого, и для Нового времени, Китай в своей истории тоже хорошо знал войну и

подготовку к войне конкурирующих государств. Можно было бы решить, что более позднее упразднение этой преимущественно политической ориентации аккумуляции богатства (Vermögensakkumulation) или накопления капитала (Kapitalverwertung) предоставило бы более благоприятные шансы для ориентированного на свободный обмен специфического современного капитализма – примерно так же, как в новейшее время почти полное отсутствие военной организации в Северной Америке создало самое широкое пространство для максимально интенсивного развития капитализма. По меньшей мере, именно достижение мира в империи (Befriedung des Weltreiches) объясняет отсутствие в Китае характерного и для западной античности (вплоть до императорского периода), и для Востока, и для средневековья *политического*, но не чисто экономически ориентированного капитализма. Едва ли следует отрицать, что принципиальные особенности «образа мысли» («Gesinnung»), а, в данном случае – практического отношения к миру (praktischen Stellungnahme zur Welt), хотя они [также] были в своем развитии во многом обусловлены, среди прочего, политической и экономической судьбой, все-таки благодаря [...] саморазвитию (ihren Eigengesetzlichkeiten zuzurechnenden Wirkungen), также внесли значительный вклад в возникновение и существование этих препятствий.

Примечания

1. Гетеродоксальный (heterodoxen) – еретический. Вебер называет конфуцианство ортодоксальной религией Китая, а даосизм – гетеродоксальной, еретической, т.е. находившейся в оппозиции официальной религии. – *Прим. перев.*
2. Антрополатрия – обоготворение людей, геролатрия – обоготворение героев. – *Прим. перев.*
3. Дейсидаймония – опасливое почитание демонов (богов) [от древнегреч.]. – *Прим. перев.*
4. «Книга песен» – древнекитайский литературный памятник. – *Прим. перев.*
5. Антропопеческий – связанный с магическими действиями по изгнанию духов или воспрепятствованию приходу несчастий. – *Прим. перев.*
6. «Кого обманываем?» (франц.). – *Прим. перев.*
7. «Laissez-faire» – политика полной экономической свободы, экономического либерализма (франц.). – *Прим. перев.*
8. Чистая церковь (лат.). – *Прим. перев.*
9. Massa perditionis – масса погибших, масса падших, масса грешников (лат.). – *Прим. перев.*
10. О «кредитном объединении» как слабом основании (leisen Ansatz) смотри выше.
11. Sistema domestico – домашняя система (итал.).
12. То, что отсталость горнорудных предприятий (причина денежных катастроф), отсутствие использования угля в производстве металлов (*несмотря на* предполагаемое знание процесса коксования), растущее ограничение судоходства внутренними судоходными маршрутами следует объяснить традиционными формами и путями, а не недостатком технической и изобретательской одаренности, вытекает из обилия изобретений у китайцев с предельно прозрачной ясностью (zur Sonnenklarheit). Фэн шуй, мантика всех видов, интересы, связанные с получением доходов, которые являлись продуктами магии и государственной формы, сыграли здесь решающую роль.
13. Об этом смотри очень хорошие замечания в сочинениях Людвиг Клагеса.
14. Честность – это лучшая политика (англ.). – *Прим. перев.*
15. Филипп Якоб Шпенер (1636–1705) – немецкий теолог, основатель пиетизма. – *Прим. перев.*

Перевод с немецкого А.Б. Рахманова